

УДК 165:82.09
DOI: 10.28995/2073-6401-2025-4-92-100

**Ψ-совесть, автономный субъект и взгляд изнутри,
или Совесть и ее тень.**

**Размышления над книгой Г.И. Чернавина
«Подобие совести»**

Александр В. Марков

*Российский государственный гуманитарный университет
Москва, Россия, markovius@gmail.com*

Анна И. Резниченко

*Российский государственный гуманитарный университет
Москва, Россия, annarezn@yandex.ru*

Аннотация. Книга Г.И. Чернавина «Подобие совести» продолжает методологию предыдущей его книги «Философия тролля»: феноменологическое переописание не-истинного с учетом точки зрения производителя не-истинного. В «Подобии совести» гносеологическая перспектива заменяется этической: автор рассматривает, как возможно различать действительную и фантомную (социально детерминированную) совесть, если они обе предъявляют себя субъекту. Этот акт предъявления предшествует акту самосознания, и поэтому отличить истинную и ложную совесть путем анализа содержаний сознания невозможно; требуется феноменологический анализ самих условий предъявленности опыта. Анализ подхода Чернавина показывает его продуктивность для философии и эпистемологии гуманитарных наук, но его адаптация всегда требует некоторых уточнений.

Ключевые слова: совесть, вина, долг, когнитивная психология, феноменология, постмодерн,стина, агентность, русская литература

Для цитирования: Марков А.В., Резниченко А.И. Ψ-совесть, автономный субъект и взгляд изнутри, или Совесть и ее тень. Размышления над книгой Г.С. Чернавина «Подобие совести» // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2025. № 4. С. 92–100. DOI: 10.28995/2073-6401-2025-4-92-100

**Ψ-conscience, autonomy and inner view
or Conscience and its shadow.
Reflections on G.S. Chernavin's book
“The Semblance of Conscience”**

Aleksandr V. Markov

*Russian State University for the Humanities
Moscow, Russia, markovius@gmail.com*

Anna I. Reznichenko

*Russian State University for the Humanities
Moscow, Russia, annarezn@yandex.ru*

Abstract. G.I. Chernavin's book “The Semblance of Conscience” continues the methodology of his previous book “The Philosophy of the Troll”: a phenomenological re-description of the untrue, taking into account the point of view of the producer of the untrue. In the “Semblance of Conscience”, the epistemological perspective is replaced by an ethical one. The author considers how it is possible to distinguish between a real and a phantom (socially determined) conscience if they both present themselves to the subject. That act of presentation precedes the act of self-awareness, and therefore it is impossible to distinguish between true and false conscience by analyzing the contents of consciousness. A phenomenological analysis of the very conditions of experience presentation is required. An analysis of Chernavin's approach shows its productivity for the philosophy and epistemology of the humanities, but its adaptation always requires some clarifications.

Keywords: conscience, guilt, duty, cognitive psychology, phenomenology, postmodernism, truth, agency, Russian literature

For citation: Markov, A.V. and Reznichenko, A.I. (2025), “Ψ-conscience, autonomy and inner view or Conscience and its shadow. Reflections on G.S. Chernavin's book ‘The Semblance of Conscience’”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Philosophy. Sociology. Art Studies” Series*, no. 4, pp. 92–100, DOI: 10.28995/2073-6401-2025-4-92-100

В книге Г.И. Чернавина «Подобие совести» [Чернавин 2023] продолжена основная идея предыдущей его книги «Философия тролля» [Чернавин 2021]: достоверность знания разрушается не фактом недостоверного знания, мимикрирующего под достоверное, но некоторыми режимами агентности, такими как троллинг или внушение чувства вины. Недостоверное знание можно локализовать, тогда как агентность лжеца, гордящегося своей ложью, или заблуждающегося, коснеющего в своем заблуждении, становится

тотальной – такой агент оспаривает все предыдущие локализации. Это оспаривание может быть описано в других дисциплинах: в теории коммуникации – как хамство, в теории информации – как энтропия, в социальной теории – как торжество тотального института. Как и предыдущая книга, эта сложно организована: показан не принцип обслуживания примерами или аргументами основных тезисов, но принцип постоянного отхода от начальной оптики, когда примеры и аргументы способствуют взгляду на привычные явления с необычной стороны.

Несколько слов об ее структуре. Только что мы назвали «Подобие совести» сложно организованной содержательно, – но формальная, «внешняя» структура ее проста. Она строго соответствует тому делению, которое дано во введении с изысканным названием «Предуведомление. Ψ -совесть, Ψ -вина и Ψ -долг». Фиксируя свой опыт размышлений и письма, Георгий Чернавин утверждает:

...неожиданно для себя я обнаружил себя посреди книги о паразитарных формах совести. <...> Меня увлекли не столько сами совесть, вина и долг, сколько их выхолощенные подобия: конъюнктурная *совесть^Ψ*, невротическая *вина^Ψ* и выморочный *долг^Ψ* [Чернавин 2023, с. 7–8].

Центральную часть книги составляют три главы: « Ψ -совесть», ее герои – Л.Н. Толстой и толстой-4 из романа В.Г. Сорокина «Голубое сало», Иосиф Сталин, Мариэтта Шагинян, а также многочисленные классификаторы совестей; « Ψ -вина» и ее герои – Гуссерль, Хайдеггер, Ришир (не забудем, что Георгий Чернавин – яркий представитель молодого поколения русской феноменологической школы, поэтому без Гуссерля и Хайдеггера здесь никак не обойтись) и немного Достоевский; и, наконец, « Ψ -долг», где опять появляется Лев Толстой, на этот раз почти лишенный своего сорокинского двойника, Дуглас Хофтадтер, Дэниел Деннет, Патрик Гамильтон, Сартр, Рубинштейн, Пригов и пунктирной линией, через все повествование – братья Стругацкие. Как таковых «Выводов» или «Заключения» в книге нет, – но есть «Итог», в котором автор перечисляет «основные интуиции (они же – центральные тезисы) этой книги (I–XVIII)» [Чернавин 2023, с. 202]. Наконец, завершает книгу то, что традиционно принято считать «приложениями» и «аппаратом»: материалы Круглого стола «Феноменологическая философия: современные дискуссии о совести», состоявшегося 2 апреля 2023 г. в РГГУ, «Беседа для подкаста», записанная 18 февраля 2023 г., «Комментарий к иллюстрациям» (книга снабжена иллюстрациями, и какими! – требующими отдельного комментария), и, наконец, «Литература» и «Примечания».

Уже эта простая дескрипция указывает нам на то, что мы имеем дело с текстом, находящимся на пересечении сразу нескольких традиций: классической и современной феноменологии, классической и современной русской литературы, и, наконец, постмодерна с его иронией и всезнайством. Язык Георгия Чернавина, как и язык большинства феноменологов, труден для понимания. Он требует усилий. Но читатель, разобравшись, наконец, с научообразной лексикой, изощренным синтаксисом и гр_р_а_ф_и_ч_е_с_к_и_м_и_и_г_р_р_а_м_и_, оказывается вознагражден. Иные страницы «Подобия совести», где Георгий Чернавин показывает, «как нарастает снежный ком форм совести от двух до пятнадцати наименований» [Чернавин 2023, с. 51–52], напоминают страницы Борхеса или Кортасара, также больших любителей классификаций:

Где восемь, там и... пятнадцать. Самую впечатляющую типологию форм совести оставил Христиан Вольф:

Подталкивающая (практическая), свободная, связанная (служебная), уверенная, заблуждающаяся, учащая (теоретическая), уступчивая (теоретико-практическая), последующая (результирующая), правильная, подавляющая (практико-практическая), легковесная (неполнная), предшествующая (предвосхищающая), вероятностная, весомая (полная), сомневающаяся совесть. <...>

Немецкие и латинские характеристики совести в этом перечислении далеко не всегда совпадают, всего их (учитывая девять расхождений) – двадцать четыре. Эта самая полная типология *ad absurdum* указывает на то, что в умножении родов совести есть некий изъян, стоит только запустить этот процесс, и его уже сложно будет остановить [Чернавин 2023, с. 60–61].

Структурное изящество этой главы заключается еще и в том, что нумерация параграфов совпадает с количеством родов совести, легко переходя от восьми к пятнадцати (или от VIII к XV) и прокакивая промежуточные пять.

* * *

Кратко положения новой книги Георгия Чернавина можно изложить так. Понятие совести заключает в себе двусмысленность – мы называем совестью как определенный акт очевидности, пробуждения, осознания сделанного («просто совесть»), так и некоторую процедуру обличения нас, представления нас действительной или желанной очевидности («ψ-совесть»). Эта дву-

смысленность всегда была в этом понятии исторически, но пока мы говорим об обладании совестью, она не так важна – распоряжаясь совестью, мы в том числе находим и оптимальный способ оспорить свои страсти или отвергнуть дурные поступки. Но как только правомочное распоряжение совестью сменяется экзистенциальной ситуацией совести, когда мы не «обладаем» совестью, а *сбываляемся как совестливые*, эта двусмысленность обостряется, потому что и совесть, и вина, и долг оказываются факторами нашего экзистенциального благополучия.

Заметим, что такой же экзистенциальный поворот произошел и с другими понятиями, такими как «гений»: романтики стали говорить не «иметь гения» как особую творческую способность, а «быть гением», «быть гением эпохи», выражение, наподобие «быть совестью нации». При этом из самой экзистенциальной ситуации для нас прозрачны операции совести, но не ее истоки. Поэтому мы можем легко спутать действительную совесть, как конструктивный для нашего социального поведения совет, и мнимую совесть, выражающую господствующие предрассудки или стратегию власти. Так, немало внимания в книге уделено тоталитарной совести, как и антиутопической совести, которая обнажает себя в своей экзистенциальной беззащитности, и тем самым становится предельно манипулятивной. Признавать вождя общей совестью – это признать экзистенциальную природу факта бытия вождем, но одновременно потребовать, чтобы любая частная совесть была обличена как не отвечающая общему интересу. Например, частная благотворительность с точки зрения тоталитарного или антиутопического общества бессовестна, так как закрепляет недолжный социальный порядок, тогда как исправительный лагерь совестлив, так как имеет в виду осознание перевоспитываемым себя как исправляющегося, чистое действие мнимой совести.

Соответственно, критика ложной совести не может быть структурной, исходя из того, как она работает или к каким эффектам приводит, потому что эффекты ложной совести, например, поощрение трудолюбия, могут совпадать с эффектами истинной совести. Поэтому можно только провести специфический феноменологический анализ, выявив, в каких случаях ложная совесть становится тавтологичной не с субъективной, а с объективной точки зрения. Такой анализ, заметим, уже проводился с понятиями *стыда* и *чести*, начиная с «Носорогов» Ионеско и кончая «Бесчестием» Кутзее – во множестве произведений новейшей литературы герой испытывает ложный стыд, стыдясь, что он не такой, как все, при том, что он испытывал истинный стыд за других – но за ложным стыдом оказывается последнее слово. Субъективно именно ложный стыд

только и может быть непротиворечив, как определяющий профиль текущей ситуации, тогда как истинный стыд воспринимается как связанный с прошлой и отжившей себя ситуацией.

Но переключение от субъективного к объективному только и позволяет показать границы экзистенциальной ситуации, «экзистенциального солипсизма», как говорит Чернавин словами Марка Ришира [Чернавин 2023, с. 96]. Находя вслед за Риширом тавтологичное в любом осознании какой-либо ситуации как «подлинной», Чернавин создает критическую феноменологию совести, вины и долга. Ложная, психологическая ипостась того, другого и третьего сбывается так, что требует всякому акту нашего сознания признавать переживаемый опыт подлинным, непосредственным, экзистенциально важным, но настоящая ипостась как раз требует признать, что обретение себя внутри экзистенциальной ситуации может работать или срабатывать как акт внушения, внушения себе даже не чувства правоты, а *привилегии* правоты мысли и чувства. Но это – и не акт критического осознания того, что ты совершил или совершаешь.

* * *

По прочтении книги остается ряд вопросов, которые хочется задать автору, или себе, или просто проговорить вслух.

1. Псевдо-совесть существует как паразит. Но паразитировать можно на чем-то, на том, что реально существует и живет, – пусть это даже живое существо другого вида. Если это «другое» (Другой?) – мертво, паразит тоже погибает – или находит себе другого носителя. Иначе это не паразитирование, а симбиоз: другая форма сосуществования. Возникает парадокс паразита: с одной стороны, он не существует отдельно от носителя и функционирует за его счет, отбирая у него в свою пользу все необходимое и обрекая его тем самым на недо-существование, неполноценное существование: заставляя страдать. С другой стороны, паразиту в высшей степени не хочется, чтобы носитель «прекратился»: иначе либо он просто погибнет вместе с хозяином, либо, что вероятнее, будет вынужден искать себе нового носителя. А это неудобно. Это заставляет выйти из зоны комфорта. Это вынуждает к метаморфозам. Это невыгодно. А паразит/подобие прекрасно чувствует, где выгодно; поэтому существует в формате неокончательного ослабления сил своего владельца.

2. Чернавин пишет:

Можно, конечно, заявить: бывает только один сорт совести – первый, он же и последний (подлинная совесть); а если совесть какого-то

другого сорта, то это не совесть. Но это значило бы закрыть доступ к целой богатой области неподлинных подобий совести [Чернавин 2023, с. 51].

Однако совесть – это все же не осетрина: не употребляемый продукт, не «предмет», не «вещь». Рискнем определить ее как «работу» (в русской философской традиции есть хорошее выражение: «работа совести»), но не как то, что «производит эффекты» – как мы показали выше, пси-совесть прекрасно умеет производить эффекты. Однако «работать» – это совсем не «произвести эффект». Результат работы может быть неочевиден для «постороннего», «наблюдателя», «обитателя Б-мира», «представителя населения», – но может иметь огромное значение для меня, эту работу производящего или осуществляющего. Часто это именно работа по различию «работы совести» – и работы бессчетного количества Ψ -совестей. Она и только она позволяет мне быть и сбыться: сбыться как «совестливый» – но не как «моралист». Моралиста наши сложные разборки с совестью, в принципе, мало заботят. Но как раз его «оргзыводы» «действенны», эффективны. Они решают = выполняют работу нашей совести за нас, легитимизируя таким образом Ψ -совести большинства. Моралист руководствуется ритуалом, символической тавтологией, и огромная по объему, но почти незаметная для постороннего взгляда «работка совести» как раз и заключается в «остранении», «расколдовывании» ритуала, выхода из морока подобий.

Выше было сказано, что Ψ -совесть, Ψ -вины и Ψ -долг отвечают за *привилегию правоты* мысли и чувства. Можно подумать о том, что в априории такой привилегии и состоит «работка Ψ -совести». Более того, вся незаконная культурная априория, все присвоение символического капитала и есть результат такой работы. В финале, в разделе «Круглый стол», поясняя для единомышленников свои идеи, Георгий Чернавин говорит о своем желании «остановить мельтешения, чтобы участники высказывались от своего имени, а не устраивали балаган» [Чернавин 2023, с. 219], иными словами – чтобы акты ψ -совести, ψ -долга и ψ -вины были «самиими собой», а не «кем-то другим». Проблема в том, что это, кажется, невозможно. Водевиль с переодеваниями для зрителя может проявлять себя как то, что «не читки требует с актера, а полной гибели всерьез» – но история являет нам немало примеров, как истекание клюквенным или томатным соком обличивается реальной гибелью не только действующих лиц, но и исполнителей.

Однако все это уже, безусловно, темы отдельного размышления.

Благодарности

Разделы, написанные А.И. Резниченко, выполнены при поддержке Российского научного фонда, проект № 23-18-00802, «Мир, язык, реальность: европейская и русская философия в концептуальном и терминологическом измерении».

Acknowledgements

The sections written by A.I. Reznichenko were supported by Russian Scientific Foundation, project No. 23-18-00802 “World, language, reality: European and Russian philosophy in the conceptual and terminological dimension”.

Литература

Чернавин 2021 – Чернавин Г.И. Философия тролля. Феномен платных ботов. М.: Рипол-Классик, 2021. 368 с.

Чернавин 2023 – Чернавин Г.И. Подобие совести. М.: АСТ, 2023. 320 с.

References

Chernavin, G.I. (2021), *Filosofiya trollyya. Fenomen platnykh botov* [Philosophy of the troll. The phenomenon of paid bots], Rипол-Klassik, Moscow, Russia.

Chernavin, G.I. (2023), *Podobie sovesti* [The semblance of conscience], AST, Moscow, Russia.

Информация об авторах

Александр В. Марков, доктор филологических наук, профессор, Российской государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Москва, Миусская площадь, д. 6, стр. 6; markovius@gmail.com

Анна И. Резниченко, доктор философских наук, профессор, Российской государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Москва, Миусская площадь, д. 6, стр. 6; annarezn@yandex.ru

Information about the authors

Aleksandr V. Markov, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bldg. 6, bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047; markovius@gmail.com

Anna I. Reznichenko, Doctor of Sciences in Philosophy, professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bldg. 6, bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047; annarezn@yandex.ru